

УДК 343.241 (575.2) (04)

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО НАСИЛИЯ
В СФЕРЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ***Б.Г. Тугельбаева* – доц.

The impact of some discriminative customs regenerated at present time upon perpetration of criminal violence in attitude to women in family was analyzed in the article, the reasons and conditions contributed to their reanimation and ways of overcoming of existing situation were indicated.

Особенностью преступного насилия в сфере семейных отношений в Кыргызстане является тот факт, что оно часто обусловлено влиянием некоторых сохранившихся дискриминационных в отношении женщин обычаев. Данные обычаи способствуют распространению таких преступлений, как принуждение женщины к вступлению в брак (ст.155 УК КР), вступление в фактические брачные отношения с лицом, не достигшим брачного возраста (ст.154, п.2,3 УК КР), а также двоеженство и многоженство (ст.153 УК КР). Соответственно в уголовном законодательстве республики предусмотрена ответственность за подобного рода деяния.

Например, принуждение к вступлению в брак (ст.155 УК КР) совершается против воли девушки через ее похищение (в виде обычая кражи невесты) и фактическое ее изнасилование. Сам обычай кражи невесты существует в древней культуре кыргызов в трех видах. Во-первых, как ритуальный свадебный обряд, когда жених с согласия обеих сторон «крадет» девушку. Во-вторых, как протест на договорные иерархические браки, заключаемые родителями молодых людей, в случаях, когда девушку отдают замуж против ее желания за не любимого человека. Тогда тот, кого она любит, крадет невесту с ее согласия, и затем они просят прощения у родителей. И третий вид, когда девушку крадут без ее согласия и

согласия ее родителей. Именно он и имеется в виду, когда говорят о насильственном принуждении девушки к вступлению в брак.

Вот яркий пример из материалов средств массовой информации.

*Это произошло, по словам автора статьи “Косы девичьи” Р.Айтматовой, в г.Таласе. Девушку, как водится, не спрашивая, украли. Она сопротивлялась, но джигиты заперли ее в мотоцикл и помчались вперед. В дороге ее коса зацепилась за какую-то деталь мотоцикла. Девушка кричала, просила остановиться. Однако похитители думали, что это обычные крики невесты, и только когда привезли на место назначения, увидели, что голова ее изувечена: волосы местами вырваны вместе с кожей. Но девушку быстренько привели в чувство, умыли, причесали, и в ту же ночь она стала супругой. Спустя несколько лет эта девушка умерла во время родов, оставив сиротами детей. “Я не вправе обвинять тех мальчиков, – пишет Р. Айтматова, – которые погрузили ее на мотоцикл. Они тоже жертвы обычаев и традиций. Демонстрация мужской силы, превосходство и насилие над женщиной изначально... Такие традиции надо менять”.*¹

¹ См.: Айтматова Р. Косы девичьи // Слово Кыргызстана. – 2003. – 1 августа.

Как сообщают кризисные центры страны, обычай кражи невесты ежегодно ломает судьбы многих девушек, и зачастую сокрытию преступления содействуют родственники потерпевшей, уговаривая девушку остаться в новой семье, чтобы “скрыть позор”.

Анара, учащаяся профессионально-технического училища г.Бишкека, возвращалась после летних каникул из Нарынской области в г.Бишкек. На остановке автобуса родная теть Анары попросила ее помочь парню на “Жигулях”, которого звали Мирлан, найти кого-то из односельчан. Девушка села в автомашину, и ее стремительно увезли в соседнее село. Как выяснилось позже, от Мирлана сбежала невеста, и чтобы не опозориться перед сельчанами, его родственники тут же украли Анару. Девушка сквозь слезы умоляла отпустить ее, говорила, что никогда не выйдет замуж за Мирлана. Но приехавшие родители и теть уговорами и угрозами заставили девушку сдаться. Анара вернулась в Бишкек уже вместе с Мирланом, но так и не смирилась. Собрав вещи, она ушла в общежитие училища, но там ее нашли сестры, жестоко избили и вновь привезли к мужу. Девушка закрылась в ванной, завязала петлю и накинула ее на шею... Анару удалось спасти, но психика ее была надломлена, и в кризисном центре психологам потребовалось немало времени, чтобы вернуть девушку к реальному восприятию жизни. Она согласилась написать заявление в прокуратуру о своем похищении и твердо решила не возвращаться к своим родственникам. Но вновь ее выследили сестры и обманом увезли домой, сказав, что мать лежит при смерти. И с тех пор Анара пропала...

В комментарии к статье директор городского центра психотерапевтической помощи К.Усенов отметил, что очень часто из-за семейных неурядиц женщины, насильно выданные замуж, через 3–4 года вновь пытаются свести счеты с жизнью¹.

Изучение материалов бесед психологов кризисного центра “Шанс” с украденными женщинами показывает, что иногда молодые

начинают испытывать друг к другу симпатию, но это бывает только в тех случаях, когда девушку не подвергают сексуальному насилию в первые дни брака. О том, что семейная жизнь может начаться совершенно неожиданно, со случайным человеком подтверждает и следующая история:

Наиля, жительница Чуйской области, обратилась в кризисный центр “Шанс” по поводу состояния своего психического здоровья. Два года назад, когда она была студенткой одного из престижных вузов, малознакомые молодые люди пригласили ее и подругу пойти в кафе. Девушки согласились и сели в машину. Но их увезли за город, в ближайшее село. Подруга Наиля смогла вырваться, но когда добралась домой, то ничего не сообщила родственникам девушки. Наилю завели в дом и оставили одну. Впоследствии в дом пришел мужчина, оказавшийся старшим братом молодых людей, для которого они и похитили девушку. Затем пришли две пожилые родственницы жениха и стали уговаривать девушку выйти замуж, угрожать ей всеобщим осуждением и позором, если она не согласится остаться. На девушку насильно одели по обычаю платок и объявили женой незнакомого человека. Только через 10 дней приехали родители Наиля и сказали, “что произошло, то произошло, и надо с этим смириться”. Она смирилась внешне, но ненавидит мужа и его родню до такой степени, что от этого, как она считает, у нее происходят постоянные выкидыши. Муж полагает, что она сознательно что-то предпринимает, поэтому в доме постоянные скандалы и тяжелая моральная обстановка.

Как правило, украденная и насилуемая девушка не имеет возможности защититься, а насильник, имея влиятельных родственников, часто гарантирован от наказания. На ряд таких случаев, имевших место в Акталинском районе Нарынской области в начале 90-х годов, указывает Д. Шукурова.² Хотя официальная статистика ежегодно фиксирует 15–20 фактов принуждения женщин к вступлению в брак, согласно данным различных социологических

¹ См.: Ничипорова Н. Украденная невеста // Женщины Центральной Азии: Сб. статей. – Ташкент, 2001. – №8. – С.78–81.

² См.: Шукурова Д. Старые стереотипы и новые тенденции к современному положению женщин в Иссык-Кульском и Нарынской регионах // Женщины Кыргызстана: традиции и новая реальность. – Бишкек, 1995. – С.37.

исследований, у кыргызок брак в сельской местности происходит преимущественно через похищение невесты, причем согласие девушки в большинстве случаев игнорируется. По мнению сотрудников кризисных центров Кыргызстана, практика насильственного похищения девушек в различных регионах страны становится все шире¹. Например, из 100 анонимно опрошенных в Нарынской области женщин 67% признались, что они были украдены совершенно незнакомыми мужчинами². В пилотном исследовании 2001–2002 гг., проведенном в Чуйской, Нарынской и Ошской областях, 38% женщин-респондентов кыргызской национальности сообщили, что их украли без их согласия в первом браке и 18% женщин – во втором, т.е. значительная часть замужних женщин в сельской местности именно так начинает свою семейную жизнь³. При этом некоторые респонденты указали, что похищение с целью вступления в брак может распространяться и на несовершеннолетних девочек, т.е. имеет место вступление в фактические брачные отношения с лицом, не достигшим брачного возраста (ст.154, п.3 УК КР).

Изучение мнения молодежи в исследовании 1996 г. показало, что 68% респондентов были против распространения обычая кражи невест. При этом возраст лиц, совершающих кражи невест, был указан в пределах 22–25 лет. Анализ обращений девушек в кризисные центры показывает, что в сельской местности этот возраст еще ниже, примерно 20 лет, хотя иногда встречаются и 18-летние “похитители”. Но в целом возраст похитителя, по данным кризисных центров, может варьировать в значительных пределах вплоть до 30–35 лет, причем, как правило, это похищения с целью вступления во второй брак. При этом 57% школьников сельских школ считают, что насильственная кража невест – это нормаль-

ный кыргызский обычай. Учитывая, что в исследовании 1996 г. участвовала только студенческая молодежь, проживающая в городах, можно говорить о том, что уровень образования существенным образом влияет на понимание сущности некоторых традиций как нарушение прав человека. Возраст же для похитителей не играет особой роли, по-видимому, более существенным является сознание личности, ориентированное на поддержание традиционных ценностей. В территориальном разрезе насильственная кража невест наиболее распространена в сельской местности, в основном в районах, где проживает кыргызское и казахское население, среди небогатых и малоимущих слоев.

Принуждение к вступлению в брак, но уже через посредство договора между родителями преобладает среди большинства других мусульманских народов, проживающих в Кыргызстане (узбеки, таджики, дунгане, уйгуры), причем инициатива со стороны девушки, как правило, не приветствуется. Справедливости ради следует отметить, что и желание юношей не всегда учитывается в договорных браках. При этом большую роль даже в городах играет местное сообщество – махалля⁴, которая устанавливает свои законы, которым надо подчиняться, например, обязательно советоваться со старейшинами в вопросах заключения брака. Большое значение в семье жениха придается приданому невесты: если оно недостаточно богатое, то отношение к девушке будет соответственным. Поэтому приданое для дочери начинают собирать с самого ее рождения. Из числа женщин – респондентов узбекской и таджикской национальностей, участвовавших в пилотном исследовании 2001–2002 гг., 54% указали, что они вступили в брак по воле родителей, при этом только у 3% женщин выбор родителей совпал с их чувствами.

¹ См.: Насилие не должно быть нормой // МСН. – 2003. – 14 октября.

² См.: Не кради невесту! // Дело №... – 2003. – 3 сентября.

³ См.: Проект “Права женщин – права человека” Отчет за 2000-2002гг / Ассоциация “Диамонд”. – Бишкек, 2002. – 76с.; Оценка уровня бедности в Кыргызской Республике для Отчета о мировом развитии 2000/01 / Кыргызская Республика: Сводный национальный отчет. – Бишкек, 1999. – С.73.

⁴ Форма организации общественной жизни в виде соседской общины. В настоящее время является не только территориальной, но и административной единицей, самой низовой ячейкой городского и сельского подразделений в Узбекистане и Таджикистане. В Кыргызстане существует в местах компактного проживания населения узбекской и таджикской национальностей.

Оптимальным возрастом для вступления в брак почти всеми респондентами был назван возраст до 20 лет, так как по обычаю считается, что, чем моложе девушка, тем быстрее привыкнет к правилам, принятым в семье мужа, пока она еще не осознала себя личностью. Это мнение о невестке достаточно четко выражает народная поговорка “Лучше та, у которой разум еще не окреп”. К примеру, в Узбекистане и Каракалпакии 40% семей создается до достижения девушками 20 лет¹. Определенным числом респондентов отмечено также снижение нижнего предела брачного возраста до 16 лет для девочек из многодетных сельских семей. Девушка старше 22–25 лет, наоборот, может получить на уровне общины клеймо “старой девы” и вообще не выйти замуж. Продолжает считаться обязательным требование выходить замуж девственницей, респондентами приводились примеры, когда девушку, не оказавшуюся девственницей, возвращали ее родителям даже после свадьбы. Что касается женихов, то их возраст неограничен, а материальное положение, как правило, выше среднего.

Следует отметить, что как положительное явление начинает укореняться в сознании людей ранняя выдача девочек замуж. Даже среди некоторых юристов страны существует мнение о снижении брачного возраста для женщин до 16 лет. Например, известный специалист в области семейно-брачного законодательства Ф.А.Зайков объясняет это ранним половым созреванием, отсутствием требования обязательного полного среднего образования и частично отсутствием свободных рабочих мест для девушек². Представляется, что такой подход является одним из проявлений гендерной дискриминации, поскольку в своей основе связывается с биологическими характеристиками женщин и не предусматривает социального содержания личности, в частно-

¹ См.: Атанязова О., Утепбергенова К. Традиции насилия // Мир, свободный от насилия. – Бишкек, 1999. – С.92.

² См.: Зайков Ф.А. Совершенствование брачных отношений в Кыргызской Республике в условиях рынка и проведения реформ // Сб. научн. тр. юр. ф-та КРСУ. – Бишкек, 1999. – Вып. 2. – С.84–95.

сти, сформированности такого необходимого в браке качества, как ответственность.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие криминологически значимые признаки принуждения к вступлению в брак:

- использование для принуждения к вступлению в брак национальных обычаев в виде похищения девушки и договора о браке детей между родителями;
- похищение девушек и молодых женщин с целью вступления в брак обманным либо насильственным способом;
- принуждение к вступлению в брак вопреки воле женщин;
- принуждение к вступлению в брак преимущественно с изнасилованием похищенного лица, либо опираясь на наличие договора между родителями лиц, вступающих в брак;
- совершение кражи невест лицами мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет, в основном со средним образованием, невысоким и малым уровнем доходов, проживающими преимущественно в сельской местности;
- использование помощи родственников или знакомых со стороны похитителя;
- отсутствие протеста со стороны родителей и родственников похищенной.

Причины существования принуждения женщины к вступлению в брак видятся, во-первых, в сохранившемся традиционном взгляде на положение женщины в кыргызском обществе, согласно которым она, имея производный от мужчины экономический и социальный статус, должна всегда подчиняться воле мужчин – отца, брата, мужа, во-вторых, в несформированности самого экономического и социального статуса женщин. Следовательно, через данный дискриминационный обычай прослеживается неравенство возможностей женщин и мужчин в выборе личной жизненной парадигмы и вторичность женщины как социального существа в системе общественных отношений, обусловленная существующими культурными нормами относительно мужских и женских гендерных ролей.

Условиями, поддерживающими в настоящее время данный обычай, следует признать:

- недостаточную правовую грамотность женщин и населения в целом;

- низкую самооценку женщин и боязнь ими общественного мнения и осуждения со стороны близких людей в случае ухода от жениха;
- либеральное отношение к дискриминационным обычаям со стороны общества и государства, отсутствие массовой пропаганды их осуждения;
- неэффективное законодательство;
- существование в культуре низкого порога чувствительности к насилию.

Особая общественная опасность данного дискриминационного обычая не только в непосредственном физическом или психическом насилии, имеющем место при вступлении в брак, но и в том, что испытанное в начале семейной жизни насилие не способствует созданию в последующем полноценных, здоровых отношений в семье и является потенциальным зародышем многих семейных конфликтов и драм. На негативный характер исходных обстоятельств создания семьи как «элементной базы» ситуаций, предшествующих насильственным преступлениям, указывает и Д.В. Ривман¹. Такие семьи попадают чаще всего в разряд проблемных (по классификации Н.Ф. Кузнецовой), которые характеризуются хронической социально-психологической напряженностью.² Это подтверждают и выявленные в ходе вышеприведенных исследований глубокая разобщенность между членами семей, наличие неуважения и грубого отношения друг к другу, наличие систематических конфликтов и скандалов как признаков, присутствующих, по мнению Э.Ф. Побегайло, проблемным семьям.³

¹ См.: Ривман Д.В. Классификация ситуаций совершения насильственных преступлений в семье // Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. – Л., 1985. – С.39.

² См.: Кузнецова Н.Ф. Дезорганизация семьи как криминогенный фактор // Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. – Л., 1985. – С.34.

³ См.: Побегайло Э.Ф. Предупреждение насильственных преступлений в сфере быта // Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. – Л., 1985. – С.132.

Как показывают исследования, принуждение к вступлению в брак может быть также связано с другим дискриминационным обычаем – полигинией, которая обуславливает распространение двоеженства и многоженства. Наиболее часто факты многоженства отмечаются на юге Кыргызстана, где многодетные родители из бедных слоев пытаются пристроить своих дочерей, даже несовершеннолетних, в качестве вторых жен к богатым мужчинам через договорные браки. В других районах республики многоженство может и не иметь принудительного характера, тем не менее, внутрисемейные отношения в таких браках достаточно сложны и могут характеризоваться проявлениями насилия, как в первых, так и в последующих семьях.

Состав двоеженства и многоженства (ст.153 УК КР) включает в качестве основного признака сожительство с двумя или несколькими женщинами с ведением общего хозяйства. Сведения кризисных центров говорят о том, что, как правило, мужчины живут со вторыми и последующими женами отдельно от первой жены. При этом первые жены чаще всего знают о существовании вторых жен и согласны терпеть сложившееся положение вещей, так как могут лишиться материальной поддержки со стороны мужа либо подвергаться физическому и психическому насилию. В качестве типичного примера можно привести следующую историю женщины, которая обратилась в кризисный центр «Шанс»:

Чинара, жительница Иссык-Кульской области, 16 лет замужем, имеет троих детей. В последнее время Чинара стала замечать, что ее муж, сотрудник налоговой службы, стал часто отсутствовать дома, постоянно ссылаясь на занятость по работе и командировки. Чинара выяснила, что у него появилась вторая жена, его коллега по работе. В результате семейного скандала муж признался, что они с молодой женой живут в религиозном браке, ждут ребенка, поэтому он снимает для нее квартиру и материально содержит. В семье Чинары начались постоянные ссоры, муж начал настраивать детей против Чинары, избивать ее. В конце концов, он поставил условие, если она не примет все, как есть, то он уйдет совсем из семьи, и не будет помогать детям материаль-

но. Родственники Чинары и некоторые знакомые, узнав об этом, посоветовали ей молчать и смириться, думать о будущем детей. Чинара и сама приходит к такому выводу

Или другая история.

Асель, жительница г. Бишкека, 12 лет замужем, имеет двоих детей. 4 года назад после рождения младшего сына она была вынуждена в силу материальных обстоятельств уехать на 3 месяца к своим родственникам. После своего возвращения она узнала, что у мужа появилась вторая жена, с которой он вступил в религиозный брак. Асель, не поверив этому, проследила за мужем, и удостоверилась в существовании другой женщины. Выяснение обстоятельств наличия второго брака привело к жестокому избиению Асель ее мужем и его второй женой. Асель позвонила в кризисный центр из травматологического отделения больницы. В результате избиения у нее зафиксировали челюстно-мозговую травму, а также открытый перелом носа и множественные ушибы. Обращаться в органы внутренних дел она опасается, так как ее муж работает в Главном управлении уголовного розыска МВД КР, а его вторая жена – паспортисткой в одном из паспортных отделов столицы республики.

В сельской местности, где многоженство наиболее распространено, исследования показывают, что женщины – первые жены – боятся развода еще и по другой причине. Это означает понижение ее статуса и статуса ее детей, особенно дочерей. С другой стороны, женщины, находящиеся на положении вторых жен, в случае ухода мужа бывают часто ущемлены вместе с детьми в правовом отношении, поскольку их брак обычно является религиозным и юридически не зарегистрирован. Следовательно, содержание детей остается только на совести бывшего мужа. Поэтому вторые жены также предпочитают молча терпеть различные семейные коллизии. Примером является история еще одной женщины, обратившейся в кризисный центр “Шанс”:

Назира, жительница г. Бишкека, живет в гражданском браке около четырех лет, имеет трехлетнего сына. Муж Назиры часто не бывает дома из-за командировок. Все праздники он также отмечает вне дома, с коллек-

тивом. Вначале Назира верила мужу, но однажды случай помог узнать всю правду. На очередном торжестве было много гостей, и муж, хорошо выпив, разоткровенничался с другом. Не заметив Назиры, он говорил о другой женщине и хвастался достижениями двух других детей. Назира испытала сильное потрясение и не помнит, как вернулась домой. Разговор с мужем все же состоялся. Назира узнала, что она – вторая жена, а с первой женой он состоит в браке уже 20 лет, в семье – взрослые дети. Первая жена все знает о Назире и ничего не имеет против нее, поскольку он обеспечивает их обеих. Назиру больше всего потряс не тот факт, что она вторая жена, а сам обман, который длился много лет, но ради будущего своего сына она настроена терпеть.

Положение осложняется и тем, что определенная часть населения Кыргызстана и соседних центральноазиатских стран относится к полигинии весьма терпимо и считает ее одной из “привилегий” правоверного мусульманина, особенно состоятельного. Высокое имущественное положение многоженцев, действительно, имеющий место факт, поскольку позволить себе вторые и последующие браки в Кыргызстане, по данным кризисных центров, могут только бизнесмены, депутаты и государственные служащие определенного ранга, работающие в контролирующих или властных структурах. То, что “...многие чины, депутаты, бизнесмены имеют фактически по две и даже три жены” отмечается и в материалах некоторых публикаций¹.

Что касается основных положений и обязанностей мусульман, то необходимо заметить, что большинство населения в Кыргызстане имеет весьма расплывчатое представление об этих вещах². Связано это с тем, что сами священнослужители (сельские и махаллинские имамы) в своем большинстве не обла-

¹ Цит. по: “То, что можно мужику, женщине – табу” // МСН. – 2003. – 14 октября; Мулина М. Жениться! Жениться... Жениться? // Моя столица. – 2003. – 7 марта.

² Второй периодический доклад Кыргызской Республики о выполнении международной Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. – Бишкек. – 2000. – С.20.

дают высоким уровнем богословского и светского образования. Достаточно указать, что в 1998 г., по итогам аттестации священнослужителей Духовного управления мусульман Кыргызской Республики, из более 1600 человек были аттестованы только 1100, причем из них 276 условно, а первую ступень смогли получить всего 50 человек¹.

Особенно муссируются сведения о том, что полигиния является средством, способным предотвратить моральное разложение незамужних женщин, вынужденных в силу физиологических особенностей искать сексуальных партнеров через внебрачные связи или занимаясь проституцией. Например, в Узбекистане опубликована статья И. Шомуродова и Т. Акбарова “Порок ли многоженство” о том, что в Узбекистане, согласно переписи населения 1989 г., на одного мужчину старше 16 лет приходится 5 женщин (что является грубым искажением статистики)². Следовательно, не все они могут выйти замуж и нарушаются их права на создание семьи. Эти женщины могут стать проститутками. Поэтому – делают вывод авторы – необходимо многоженство. Это типичная точка зрения сельской интеллигенции многих государств Центральной Азии³.

Но самое главное, что многоженство как панацею от женской проституции поддерживают и сами женщины. Р. Сулеймен кызы считает, что, узаконив моногамию, советская власть добилась аморальных отношений, т.е. проституции и отношений вне брака. Поэтому разумная женщина лучше примет половину чаши и “половину мужа”, нежели будет жить презираемая обществом, без защиты и безопасности. По мнению автора, чтобы жить дос-

тойно, необходимо вернуться к гуманным обычаям наших предков, т.е. к полигинии, а “единственным” (первым) женам освободиться от эгоизма⁴. Проблема криминальности подобных гендерных стереотипов заключается в том, что все указанные выше факторы практически всегда позволяют мужчинам-многоженцам уходить от уголовно-правового преследования. Этому способствует и нечеткость самой нормы уголовного закона, которая фактически запрещает только ведение общего хозяйства.

Известный арабский ученый Абдель Рахим Омран, разъясняя некоторые положения главной религиозной книги мусульман – Корана, относительно полигинии в своем комментарии пишет: “...разрешением иметь более чем одну жену злоупотребляют некоторые мусульмане, те, кто не оценил его как условное разрешение. Тем не менее, многоженство отмечается не более чем в 3% случаев”⁵. При этом разрешается введение в брачный контракт условия, согласно которому муж не должен жениться второй раз. Нарушение этого условия дает жене право требовать развода. Абдель Рахим Омран отмечает, что “ее право на развод будет установленным и действительным до тех пор, пока она добровольно не устранил условие из контракта и сама не разрешит мужу взять в жены другую женщину”⁶. Таким образом, вторую жену можно брать только с согласия первой жены, не ущемляя ее интересов и достоинства, т.е. вторые и последующие браки должны строиться на основе определенного компромисса⁷. При этом сама проблема многоженства

в ее традиционном понимании, по мнению Т. Шайдуллаевой, никогда не была свойственна культуре кыргызов. “Только в двух случаях кыргыз мог взять в свою семью вторую жену: если умирал его близкий родст-

¹ См.: Алишева А. Формирование взаимоотношений государства с общественностью и религией в республиках Центральной Азии // Центральная Азия: новое пространство для сотрудничества. – Бишкек, 2000. – С.76.

² Численность населения Узбекистана – 49,7% мужчин и 51,3% женщин, по данным Е. Баргеновой Узбекистан: обычаи и традиции, дискриминирующие женщин // Равенство возможностей: Журнал Феминистской лиги. – Алматы, 2002. – №2. – С.44.

³ См.: Руксиева Г. Обзор узбекскоязычной прессы // Женщины Центральной Азии: Сб. ст. – Ташкент, 1998. – №2. – С.21–25.

⁴ Р.Сулеймен кызы. Полигамия – “да” или “нет” // Res’Publica. – 2002. – 17 июня.

⁵ Планирование семьи в исламском наследии / UNFPA. – Бишкек, 2003. – С.26.

⁶ Там же. – С.28–29.

⁷ См.: Наимова З. Права женщин в исламе // Женские и гендерные исследования в Таджикистане. – Душанбе, 2000. – Вып.1. – С.87.

венник и его дети оставались сиротами, либо если жена не могла родить ребенка, что было обусловлено здоровым прагматизмом патриархатной семьи, направленным на ее выживание и благополучие”¹.

Таким образом, к криминологическим признакам двоеженства и многоженства относятся:

- вступление во второй и последующие браки посредством заключения брака по религиозному обычаю;
- отсутствие юридически оформленного развода в первом браке;
- раздельное проживание лиц, вступивших во второй и последующие браки с семьей от первого брака;
- создание многоженцем обстановки насилия или угрозы насилием в первых либо во вторых семьях;
- наличие материальной обеспеченности у лиц мужского пола, вступающих во второй и последующие браки;
- отсутствие материальной обеспеченности у лиц женского пола как в первых, так и во вторых браках.

Проведенное исследование позволяет говорить, что распространение многоженства имеет несколько причин: во-первых, это ослабление в постсоветский период социального контроля общества за определенными видами преступлений, связанных с традициями и обычаями; во-вторых, сама устойчивость системы традиционных ценностей, что способствовало реанимации определенных патриархатных взглядов на брак как на систему власти и подчинения, в котором мужчинам и женщинам предписаны традиционно определенные гендерные роли. Затем, по-видимому, низкий экономический и социальный статус большинства женщин, заставляющий их искать в браке, прежде всего, материальную опору, а также дискриминационное в отношении женщин толкование некоторых религиозных текстов священной книги мусульман – Корана.

Возрождению и распространению многоженства способствуют следующие обстоятельства:

- правовая безграмотность женщин, вступающих в религиозный брак;
- отсутствие информированности населения о практике многоженства, как о нарушении основных прав женщин;
- слабое порицание многоженства общественным сознанием;
- недостаточный уровень образования исламского духовенства;
- неадекватное законодательство.

В различных исследованиях также отмечается, что, допуская многоженство, общество, особенно в селе, неодобрительно относится к разведенным женщинам, а также к женщинам, родившим вне брака, что может отрицательно сказаться на их будущей жизни и жизни детей. В результате большинство сельских девушек и женщин согласны терпеть любое насилие дома, любой ценой сохранить семью, лишь бы выглядеть в глазах общества “полноценной”, т.е. не потерять свой статус замужней и порядочной женщины. Широкое распространение имеет кыргызская пословица “Эрди-катын урушат, эси кеткен болушат”, “Когда муж с женой ссорятся, только безумный вмешивается”. Видимо, поэтому респонденты отмечают, что в случаях семейного насилия не приветствуется обращение за помощью к соседям, родственникам, родителям, тем более к правоохранительным органам. В качестве примера приведем исповедь женщины о своей семейной жизни.

Канышай Т., проживает в Кара-Сууйском районе Ошской области, является матерью троих взрослых детей. На протяжении всей семейной жизни систематически избивается мужем, который постоянно пьет и в пьяном виде очень агрессивен. Тем не менее, Канышай считает, что ее долг все терпеть и не разводиться ради счастья детей. “Мой старший сын скоро будет жениться, подумайте сами, как я буду при живом муже стоять одна на свадебной церемонии, когда со стороны невесты выйдут ее родители вдвоем. Это позор, что обо мне скажут родственники и знакомые невесты”, – говорит женщина.

¹ Шайдуллаева Т. Лад в семье – мир в стране // Слово Кыргызстана. – 2003. – 25 апреля.

Таким образом, неконтролируемая со стороны государства бездумная реанимация некоторых традиций и обычаев под видом культурного ренессанса в период суверенизации страны способствовала возрождению многих традиционных представлений о статусе женщин и мужчин в семье и обществе, а также определенной архаизации образа жизни населения Кыргызстана. Это привело к снижению результативности применения уголовно-правовых мер предупреждения преступности в сфере семейных отношений и усилению проявления криминогенных факторов в институтах семьи и брака.

Возрождение дискриминационных обычаев, объявленных в советское время пережит-

ками прошлого, по-видимому, можно объяснить тем, что советское государство как государство тоталитарного типа, само построенное на системе власти и подчинения, не в состоянии было устранить внутреннюю основу для прекращения дискриминации женщин, которая репродуцировалась, прежде всего, в институтах семьи и брака. Поэтому представляется, что в сложившихся на современном этапе в Кыргызстане социально-экономических условиях необходимо переосмысление процесса социализации личности с учетом гендерных аспектов властных отношений между полами, имеющих место в культурном контексте народов Кыргызстана.